

УДК 82.091
ББК 83.3(0)

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «ЖИЗНЕОПИСАНИИ ПРОРОКА» ИБН ИСХАКА – ИБН ХИШАМА

© 2019 г. А.Б. Куделин

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 22 января 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-28-69

Аннотация: В статье исследуются беллетристические элементы «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама. Акцент поставлен на анализе усилий составителей, направленных на обновление устоявшихся принципов арабской историографической традиции с помощью средств художественной выразительности и развития приемов сюжетного повествования. В статье анализируется материал зрительно воспринимаемых образов в «Жизнеописании»: внешний (портрет, одежда и т. д.) и внутренний (душевные качества, мотивировки поступков и т. п.) облики действующих лиц, описание конкретных деталей окружающей обстановки, помогающих воссоздать картину происходящего. Автор статьи приходит к выводу, что в процессе беллетризации прозаические компоненты произведения тяготеют к использованию реалистичности, документальности; поэтические – столь же определенно склоняются к конвенциональности и характеризуются неуклонным следованием требованиям традиционалистской нормативной поэтики. Сюжетное повествование Сиры передает сложное противостояние / сосуществование идеалов доисламского времени (*мурува*) и требований исламской эпохи (*дин*). Приведенные в статье факты дают основание рассматривать «Жизнеописание» как произведение, значительное число элементов которого обладает чертами *беллетристичности*, собственной памятникам художественной литературы.

Ключевые слова: «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама, арабская историографическая традиция, беллетристические элементы, сюжетное повествование, прозаические и поэтические компоненты повествования

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИМЛИ РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: abkudelin@rambler.ru

Для цитирования: Куделин А.Б. Беллетристические элементы в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 28–69. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-28-69

BELLETRISTIC ELEMENTS
IN “THE LIFE OF THE PROPHET”
BY IBN ISHĀQ – IBN HISHĀM

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. A.B. Kudelin

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: January 22, 2019
Date of publication: March 25, 2019

Abstract: The article considers belletristic elements included in *The Life of the Prophet* by Ibn Ishāq – Ibn Hishām. The focus is on the compilers' efforts to renew the stock principles of Arabic historiography by means of artistic expressiveness and plot-organized narrative, the technique which then was still under development. The article analyses *Al-sīra*'s graphic imagery, such as descriptions of characters – from without (their portraits, attire, etc.) and from within (their spiritual qualities, motives behind their actions, etc.) – and the setting details operative for vivid recreation of particular events. The article argues that prosaic and poetic components of the text were variously affected by belletristic rhetoric. The prosaic units were refreshed by the matter-of-factness, while the poetic units tended to conventionality and faithfully embodied the values of traditional poetics. The narrative of *Al-sīra* is indicative of the contrast between the ideals of pre-Islamic Age (*murūwwa / murū'a*) and the demands of the Islamic epoch (*dīn*). The facts and passages discussed here allow us to read *The Life of the Prophet* as a text rich with elements indicative of belletristic mode integral to literary works.

Keywords: *The Life of the Prophet (Al-sīra al-Nabawiyya)* by Ibn Ishāq – Ibn Hishām, Arabic historiographic tradition, belletristic elements, plot-organized narrative, prosaic and poetic components of a narrative.

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, DSc in Philology, Professor, Scholarly Director of the Institute, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: abkudelin@rambler.ru

For citation: Kudelin A.B. Belletristic Elements in “The Life of The Prophet” by Ibn Ishāq – Ibn Hishām. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 28–69.
(In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-28-69

«Жизнеописание Пророка» (*ас-Сира ан-набавиййа*) Ибн Исхака (ум. в 767) и Ибн Хишама (ум. в 833 или 828) заложило основы большого и продуктивного жанра средневековой арабской литературы. Хорошо известное в мировой науке как исторический источник, оно гораздо менее изучено как *памятник литературы*¹.

Среди важных исключений на этом фоне необходимо отметить ряд статей, опубликованных в трудах коллоквиума в Страсбурге «La vie du Prophète Mahomet» [23], и соответствующие разделы в кэмбриджской истории арабской литературы («The Cambridge History of Arabic Literature») [22; 25], в которых намечаются существенные элементы подхода к «Жизнеописанию Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как к *памятнику литературы*.

Полезность же — и даже необходимость — подхода, дополняющего, а вовсе не отвергающего все то, что было сделано прежде, обуславливается, на наш взгляд, особой природой Сиры, сочетанием в ней историографиче-

1 К примеру, в работах А.Е. Крымского «Источники для истории Мохаммеда и литература о нем» [9, с. 134–144] и «История мусульманства» [8, ч. 1, с. 145–146] анализ данного сочинения касается по преимуществу источниковедческих вопросов. В сочинениях И.Ю. Крачковского авторы «Жизнеописания Пророка» — Ибн Исхак и Ибн Хишам — упоминаются неоднократно, но, как правило, в связи с обсуждением вопросов, не имеющих прямого отношения к интересующей нас теме. В «Истории арабской литературы» И.М. Фильштинского «Жизнеописание» специально не изучается, хотя его авторы упоминаются неоднократно [17, с. 117, 465 и др.]. Специального литературоведческого анализа Сиры не предпринимали до сих пор и западноевропейские и арабские ученые. В известном очерке Х.А.Р. Гибба «Мусульманская историография» интересующий нас памятник также характеризуется лишь как исторический источник [5, с. 123–124]. Работа Г. Шёлера в известном смысле подводит итог изучению сочинения Ибн Исхака — Ибн Хишама в историографическом русле [26]. Таково же и общее направление книги М.А. Мурада, в которой он подвергает критическому анализу исторические сведения, содержащиеся в труде Ибн Исхака — Ибн Хишама [15].

ских и литературных черт, которое характерно для многих средневековых литератур, в частности, для древнерусской (подробнее см.: [14, с. 331, 340, 346, 354 и др.; 18]).

Однако подобный взгляд на средневековые произведения в первой половине XX в. только завоевывал право на существование. В 1926 г. известный египетский писатель и ученый Таха Хусейн, несомненно имея в виду специфическую обработку исторических сведений в труде Ибн Исхака, сравнил последнего с Александром Дюма [7, с. 205]. Данное сопоставление в то время, когда оно было высказано, несомненно, имело пренебрежительный оттенок: Сира Ибн Исхака — Ибн Хишама не может рассматриваться как серьезное историографическое сочинение, это же — *беллетристика*. Однако в нашем случае подобное сравнение «хромает», поскольку речь идет о произведении и авторах, которых отделяет от плодовитого французского романиста более тысячи лет (от Ибн Исхака и все 1100 лет). При этом сам факт сравнения авторов VIII–IX вв. с Александром Дюма-отцом — при всем преувеличении — достоин задержать на себе внимание исследователей. Он интересен хотя бы тем, что тонкий знаток и ценитель арабской классики отметил и осудил в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама первые отчетливые признаки внедрения *беллетристических* элементов в историческое сочинение на столь ранней стадии развития средневековой арабской литературы.

И в наши дни публикуются работы, в которых выявляются те или иные подлинные или мнимые исторические и прочие ошибки в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака. Однако в нашей статье будет поставлен акцент не на выявлении нарушений Ибн Исхаком устоявшихся принципов арабской историографической традиции, а на его стремлении к ее обновлению с помощью средств художественной выразительности и развития приемов сюжетного повествования. К изложению различных аспектов этого вопроса мы и переходим.

Беллетристические элементы Сиры мы рассматривали в наших статьях о соотношении историографических и литературных черт и формах прозаической речи в этом памятнике. Мы давали, в частности, беглый обзор стилистических средств, отмечали краткие, но яркие портретные характеристики действующих лиц в этом памятнике [10; 13].

Основной темой настоящей статьи станет специальное изучение беллетристических элементов Сиры как важного фактора формирования

сюжетного повествования в Сире. Наш анализ целесообразно предварить несколькими замечаниями.

Вначале необходимо сказать, что при самом общем взгляде на «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама представляется возможным сформулировать достаточно простое утверждение о том, что далеко не все составные компоненты данного памятника могут в равной степени быть вовлечены в процесс развития сюжетного повествования. Само нахождение Сиры между историографией и литературой постулирует эту мысль. Мы будем исходить из принципиальной потенциально неполной *беллетризуемости* изучаемого памятника. Для разъяснения данного вопроса нам следует коротко напомнить об основных компонентах текста Сиры.

Ранее нами было предложено разделить их на внесюжетные и сюжетные с внутренним подразделением на прозаические и поэтические. К внесюжетным прозаическим элементам нами были отнесены следующие: коранические цитаты и интерпретирующие их тексты; пассажи с так называемыми *асбаб ан-нузул* (причины и обстоятельства ниспослания *айатов* и *сур* Корана); ненарративные *хадисы* (предания о словах и действиях Мухаммада); официальные документы; различного рода поименные перечисления (списки); дополнения, комментарии Ибн Исхака, Ибн Хишама и др., снабжающие основное повествование сведениями маргинального характера. К внесюжетным поэтическим элементам были отнесены главным образом стихотворные отрывки, служащие разъяснению филологических, генеалогических, топонимических и пр. аспектов текста Сиры. Сюжетные прозаические элементы представлены нарративными *хадисами*, разными *хабарам* (историческими сообщениями и рассказами); сюжетные стихотворные — стихами, в которых отразилась внутриплеменная и межплеменная борьба; религиозная пропаганда и конфликты на религиозной основе и т. д.

Значительная часть перечисленных внесюжетных элементов не включается в повествование и во многих случаях даже формально выносятся за рамки наррации. По этой причине в настоящей статье акцент будет поставлен на сюжетных прозаических и поэтических компонентах. Впрочем, здесь же мы отметим, что предложенная классификация не может претендовать на большую точность и является лишь инструментом анализа: признаки *внесюжетности* и *сюжетности* различных элементов зачастую

бывают весьма зыбкими и условными. Соответственно и наш выбор текстов не всегда будет строго ограничиваться сюжетными компонентами; в определенных случаях для анализа нами будут привлекаться и формально внесюжетные элементы «Жизнеописания».

Второе замечание касается важной проблемы дифференциации характеристик прозаических и поэтических текстов Сиры. Забегая несколько вперед, заметим, что сюжетные прозаические компоненты «Жизнеописания» зачастую тяготеют к использованию реалистичности, документальности, во многом определяющих их звучание. Сюжетные поэтические компоненты столь же определенно склоняются к этикетности (в понимании Д.С. Лихачева), конвенциональности; собственно и их реализация осуществляется за счет неуклонного использования приемов традиционалистской нормативной поэтики. Однако, как и в случае с первым замечанием, грани, разделяющие сюжетные прозаические и сюжетные поэтические компоненты Сиры, в данном отношении не являются непреодолимыми: сюжетным прозаическим компонентам, с одной стороны, не полностью чужды традиционалистские свойства; в то время как, с другой стороны, документальные детали в той или иной мере проникают во многие поэтические пьесы Сиры и придают им квазиреалистический флер. В процессе анализа нам предстоит не раз убедиться в справедливости подобного замечания.

***

Начнем исследование беллетризации сюжетного повествования с анализа материала зрительно воспринимаемых образов в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама: внешний (портрет, одежда и т. д.) и внутренний (душевные качества, мотивировки поступков и т. п.) облики действующих лиц, описание конкретных деталей окружающей обстановки, в которой развивается действие, реалии, помогающие воссоздать картину происходящего.

Для того чтобы понять, насколько Сира насыщена подобными описаниями и характеристиками, скажем, что только в одном повествовании о битве при Бадре, мы находим свыше двадцати более или менее развернутых вставных рассказов и эпизодов, которые можно было бы называть и беллетризованными сообщениями. Здесь мы имеем в виду такие сообще-

ния, в которых историческое повествование по существу превращается, по выражению О.В. Творогова, в «историческую беллетристику», а само повествование характеризуется наличием «с ю ж е т н ы х ситуаций, поскольку автор не просто сообщает о той или иной коллизии <...>, а строит на ней с ю ж е т н о е повествование, описывает, изображает, воздействует на читателя средствами художественной, т. е. особым образом организованной, речи» [16, с. 126; разрядки автора. — А.К.].

Перейдем к анализу примеров беллетризации повествования Сиры. В анализируемом памятнике мы находим характеристики действующих лиц, важные детали их физического облика, психического склада, описания их одежды и пр. Начнем с кратких, но ярких портретных характеристик действующих лиц в Сире, рассмотрению которых было уделено определенное внимание в нашей статье «“Жизнеописание Пророка” Ибн Исхака — Ибн Хишама: между историографией и литературой». Ввиду значительного числа соответствующих мест в Сире Ибн Исхака — Ибн Хишама ограничимся небольшим числом иллюстраций.

Здесь можно упомянуть несколько кратких, но реалистически убедительных характеристик воинов, сражавшихся в битве при Бадре. Об одном из курайшитов-многобожников говорится: «человек свирепый и злобный» [19, с. 442; 6, с. 83]²; об известном воине-мусульманине, знатном курайшите ‘Убайде ибн ал-Харисе, погибшем в битве при Бадре, сказано: «муж почтенного возраста» [19, с. 443; 6, с. 84]; представитель мединского войска после битвы при Бадре уничижительно говорит о побежденных мекканцах: «Клянусь Аллахом, против нас вышли одни лысые старцы, беспомощные, словно стреноженные животные» [19, с. 458; 6, с. 109] и др.

Подобные краткие портретные характеристики действующих лиц в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама позднее получили достаточное распространение в классической арабской литературе (в частности, в историографических и *адабных* сочинениях).

2 Здесь и далее ссылки на оригинальный текст памятника даются по изданию: [19]. Русские переводы из главы Сиры, посвященной битве при Бадре, цит. (в ряде случаев с небольшими изменениями) по: [6]. Все прочие переводы из Сиры выполнены автором настоящей работы.

***

Перейдем к более пространным текстам, в которых определенно выявляются признаки сюжетной ситуации, мотивировки действий персонажей и т. д.

Прочитируем отрывок из важного эпизода Сиры, в котором рассказывается о зловещем для курайшитов сне 'Атики бинт 'Абд ал-Мутталиб перед битвой при Бадре, о котором она рассказала своему брату ал-'Аббасу ибн 'Абд ал-Мутталибу³. О сне стало известно в Мекке, и ал-'Аббасу пришлось выдержать неприятный разговор с Абу Джахлом ибн Хишамом⁴, обвинявшем род 'Абд ал-Мутталиба во лжи. О последовавшем развитии ситуации рассказал сам ал-'Аббас: «Не успел наступить вечер, как в роду 'Абд ал-Мутталиба не осталось женщины, которая не зашла бы ко мне и не сказала: “Ты позволил этому мерзкому нечестивцу злословить о наших мужчинах, и даже когда он посягнул на ваших женщин, сердце твое не зыграло от его слов” <...> На третий день после того, как 'Атике приснился сон, я встал взвинченный, раздраженный, чувствуя, что в отношении Абу Джахла я упустил возможность, которую упускать мне бы не хотелось. Пошел я в Святилище и там увидел Абу Джахла. Клянусь Аллахом, я направился к нему с намерением спровоцировать его, чтобы он повторил что-то из сказанного, а я бы тогда воздал ему по заслугам. Человек он был щедедушный, с острым личиком, острым языком, острым взглядом. И тут вдруг Абу Джахл настоужился и бросился к дверям Святилища, а я подумал про себя: “Что это с ним, да проклянет его Аллах? Неужто он хочет таким образом избежать поношения с моей стороны?”» [19, с. 429–430; 6, с. 58–59].

Прочитированный отрывок насыщен яркими деталями, дающими представление о душевном состоянии действующих лиц, элементами описания портрета, нелицеприятными характеристиками, точными зарисовками, помогающими воссоздать картину происходящего и т. п.: «взвинченный, раздраженный»; «человек он был щедедушный, с острым личиком, острым языком, острым взглядом»; «позволил этому мерзкому нечестивцу злословить о наших мужчинах»; «я направился к нему с намерением спрово-

3 'Атика бинт 'Абд ал-Мутталиб (точные даты жизни неизвестны) — сестра ал-'Аббаса ибн ал-Мутталиба (ум. 653), одного из предводителей курайшитов, от которого ведет свой род династия Аббасидских халифов; соответственно, тетка и дядя Мухаммада.

4 Абу Джахл (Абу-л-Хакам) 'Амр ибн Хишам (уб. 624), один из самых непримиримых врагов Мухаммада среди курайшитской знати, погибший в битве при Бадре.

воцировать его»; «тут вдруг Абу Джахл насторожился и бросился к дверям Святилища» и т. д.

В следующем отрывке повествуется об одном из эпизодов сбора войска мекканцев для участия в предстоящей битве при Бадре. «Умаййа ибн Халаф решил было остаться, а был он старцем степенным, дородным, грузным, но тут пришел к нему ‘Укба ибн Аби Му’айт, когда тот сидел в мечети в окружении своих сородичей. В руках у ‘Укбы была курильница, в которой тлели палочки благовоний. Он поставил курильницу перед Умаййей и сказал: “Подушись... ведь никак ты из числа женщин”. Тот сказал: “Чтоб ты пропал! Да изведет Аллах тебя и твои пакости”, а потом снарядился и выступил вместе с остальными» [19, с. 430; 6, с. 60–61]⁵.

В данном отрывке мы находим портретную характеристику Умаййи ибн Халафа: «был он старцем степенным, дородным, грузным»; детали, придающие ощущение реальности описываемого события: «В руках у ‘Укбы была курильница, в которой тлели палочки благовоний. Он поставил курильницу перед Умаййей...»; обмен живыми колкими репликами в диалоге Умаййи ибн Халафа с ‘Укбой ибн Аби Му’айтом, характеризующими персонажей.

Процитируем еще один отрывок из описания битвы при Бадре, в котором рассказывается об обращении знатного мекканца ‘Утбы ибн Раби’а к соплеменникам с призывом отказаться от битвы с мусульманами и его перепалке с Абу Джахлом по этому поводу.

«Затем ‘Утба ибн Раби’а встал и обратился к людям с речью: “Курайшиты! Клянусь Аллахом, вы ничего не добьетесь, если выйдете против Мухаммада и его людей. Клянусь Аллахом, даже если вы его сразите, люди все равно будут ненавидеть один другого за убийство либо двоюродного брата по отцу, либо двоюродного брата по матери, либо еще кого-то из сородичей. Вернитесь, не вмешивайтесь в дела Мухаммада с прочими арабами. Если они убьют его, то вы этого и хотели, а если случится по-иному, то он не будет держать зла на вас, коль скоро вы не выступили против него, что вам и надобно”».

Далее в Сире рассказывается о реакции Абу Джахла на речь ‘Утбы ибн Раби’а: «Клянусь Аллахом, это у него в груди дыхание сперло, когда

5 Умаййа ибн Халаф ибн Вахб и ‘Укба ибн Аби Му’айт — знатные курайшиты, ислам не приняли, были взяты в плен при Бадре и казнены.

он увидел Мухаммада и его людей. Ну нет! Мы не повернем назад прежде, чем Аллах рассудит нас с Мухаммадом. А слова ‘Утбы совсем не тем объясняются. Просто он посчитал, что Мухаммад и его люди — кусок убоины, а ведь среди них его сын. Вот он и стал вас страшить из-за него». А затем приводится и ответ последнего на слова Абу Джахла: «Когда до ‘Утбы дошли слова Абу Джахла “Клянусь Аллахом, это у него в груди дыхание сперло”, он сказал: “Этот обладатель изнеженного зада еще узнает, у кого дыхание в груди сперло, у меня или у него”» [19, с. 441–442; 6, с. 81–82].

Беллетризация рассмотренных сюжетных прозаических текстов осуществлялась, как показало их беглое обследование, во многом за счет обильного привлечения конкретных реалистических деталей для описания обстановки, в которой развивается действие, мотивировок поступков действующих лиц и т. п.

***

Обратимся теперь к сюжетным поэтическим текстам, которые так или иначе были вовлечены в процесс беллетризации «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама.

Начнем с двух предварительных замечаний. Значительная часть сюжетных поэтических пьес распределена по всей Сире. В частях памятника, посвященных крупным битвам, стихи приводятся двояким образом: либо чередуясь с прозаическими текстами, образуя прозопоэтическое повествование, либо скомпонованными вместе, в виде подборок стихов о том или ином сражении, формально вынесенных за пределы сюжетного повествования, хотя часто и привязываемых к нему с помощью комментариев к тому или иному стихотворению. Мы будем обращаться как к пьесам, включенным в сюжетное повествование, так и к объединенным в подборках.

Второе замечание требует большего внимания. И Ибн Исхак, и Ибн Хишам, но чаще второй, поднимают вопрос о подлинности или об авторской принадлежности тех или иных стихов, приведенных в Сире. Так, в отношении одной из пьес, включенной в подборку, Ибн Хишам, в частности, говорит: «Это самые подлинные стихи людей, сражавшихся при Бадре» [19, с. 534; 6, с. 236], ставя, таким образом, под сомнение степень подлинности всех остальных стихов подборки. И действительно, Ибн Хишам неоднократно повторяет в комментариях к различным цитируемым стихам или же

группе стихов фразе вроде: «Большинство людей сведущих в поэзии не признают [их подлинности], равно как и стихов, сочиненных в ответ на них» [19, с. 516; 6, с. 208], или: «Я не видел ни одного из ученых знатоков поэзии, который признавал бы за подлинные эти стихи и стихи, сказанные в ответ на них» [19, с. 518; 6, с. 211] и др.

Столь же часто, как аутентичность, Ибн Хишам подвергает сомнению надежность и авторской атрибуции стихов, зафиксированной в Сире: «Некоторые из знатоков поэзии отказываются признать, что это — стихи ‘Убайды» [19, с. 526; 6, с. 224], «Некоторые знатоки поэзии отрицают принадлежность этих стихов Дирау» [19, с. 530; 6, с. 230], «Некоторые знатоки поэзии отрицают принадлежность этих стихов ал-Харису ибн Хишаму» [19, с. 530; 6, с. 230] (см. также: [19, с. 537, 538 и др.]).

Вопросы подлинности и авторской принадлежности, сами по себе, разумеется, важные, не столь значительны для нас при рассмотрении различных аспектов процесса беллетризации «Жизнеописания Пророка». Здесь представляется необходимым уточнить, что «недоверность» произведений скорее всего ассоциировалась в сознании Ибн Хишама с тем, что они не были созданы как непосредственный отклик («стихи на случай») на события битвы при Бадре. Однако при изучении процесса беллетризации Сиры данное предположение для нас не так важно, поскольку эти стихи давно, т. е. не позднее времени Ибн Исхака и Ибн Хишама, вошли в корпус изучаемого памятника. Замечания об атрибуции стихов, имеющие первостепенное значение при изучении творчества определенного поэта, также не являются препятствием для анализа вопросов беллетризации Сиры. Привлекая к рассмотрению сюжетные поэтические тексты, мы будем исходить из того соображения, что они независимо от их аутентичности или же атрибуции издавна были вовлечены в процесс беллетризации.

Теперь мы можем обратиться к сюжетным стихам, представленным в повествовании о битве при Бадре. Их беллетризация могла осуществляться различными способами. Прежде всего, конечно же, сам процесс сочинения стихотворения требовал от его автора строгого следования установлениям нормативной поэтики в том, что касается правил стихосложения, соотношения произведения с традиционной системой жанров, знания конвенциональной топики, средств украшения речи (фигур и тропов) и многого другого. Само по себе соблюдение перечисленных правил обеспечивало при-

общение нового произведения к одному из традиционных жанров классической литературы и, как следствие, «олитературивание», беллетризацию сюжетных поэтических компонентов.

Составленное с учетом всех этих прескрипций произведение объемом от двух-трех до нескольких десятков строк могло включаться, как уже говорилось, либо в сюжетный эпизод, либо в тематическую подборку, привязанную к сюжетному повествованию о каком-либо большом событии. Стихи небольшого объема, сочиненные «по свежим следам», как правило, занимали свое место в прозопоэтической череде текстов определенной сюжетной ситуации. Однако их включение в повествование не всегда выглядит достаточно органичным. Приведем пример такого прозопоэтического отрывка.

«Ибн Хишам сказал: “Абу Бакр ас-Сиддик окликнул в тот день своего сына — ‘Абд ар-Рахмана, который тогда еще был с многобожниками: “Где мое имущество, негодник?», В ответ ‘Абд ар-Рахман сложил стих:

Остались только оружие и резвый конь,
Да острый меч, секущий заблудших старцев”»

[19, с. 453; 6, с. 101]⁶.

Стих ‘Абд ар-Рахмана тематически связан с описанием битвы при Бадре, поскольку в нем отражены сложные перипетии борьбы многобожников и мусульман, но представляет собой дискретный элемент и, в отличие от других стихотворений, включенных в прозопоэтическое описание, не составляет единого сюжетного повествования с окружающими его эпизодами. Быть может, данное обстоятельство объясняется тем, что его не было в редакции Сиры от Ибн Исхака, и добавление Ибн Хишама нарушило первоначальную целостность наррации.

Следующая пьеса полностью привязана к прозаическому тексту сюжетного повествования, в котором рассказывается о брошенных в колодец убитых многобожниках-мекканцах. Прочитируем прозаический и стихотворный тексты вместе.

6 Абу Бакр ас-Сиддик (573–634) — один из первых мусульман, отец ‘Аишы (613–678), жены Мухаммада, первый «праведный» халиф (632–634); его сын ‘Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр (ум. 673) ислам принял после битвы при Бадре.

«Ибн Исхак сказал: “Один ученый муж рассказывал мне, что в день, когда произошла эта история, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал следующее: ‘Люди колодца! Как же плохо обходились вы, соплеменники пророка, с пророком вашим! Вы не верили мне, а другие поверили. Вы изгнали меня, а люди приняли. Вы сражались со мной, а люди защищали меня’, а потом добавил: ‘Убедились вы, что истинно было обещание вам Господа вашего?’...”»

«Ибн Исхак сказал: “Хассан ибн Сабит сложил стихи:

1. Узнал я становье Зайнаб на песчаном холме,
Будто письмена откровения на чистом листе.
2. Ветер задувал отовсюду, и осенние дожди
День за днем поливали его, размывая.
3. Следов почти не осталось, превратилось оно
В пустырь, а прежде жила здесь любимая.
4. Перестань же ежедневно тормошить память,
Чтобы мир вернулся в сердце унылое.
5. Расскажи о человеке без изъяна
Правдиво, а не рассказами лживыми,
6. О том, что сотворил Властелин в день Бадра
Для нас и какой удел уготовил Он многобожникам.
7. Их полчище походило на гору Хира’,
Если смотреть на отроги ее во время заката.
8. Мы встретили их войском, в котором
Матерые львы стояли бок о бок с молодыми
9. Впереди Мухаммада, защищая его
От врагов в пыли сражения.
10. Руки испытанных воинов сжимали
Острые мечи и древки копий.
11. Авситам горделивым помогали
Бану ан-наджжар, крепкие в вере.
12. Оставили мы Абу Джахла распростертым
И ‘Утбу лежать на земле бросили,
13. И Шайбу сразили вместе с мужами
Родовитыми, ведь они — из знатного рода.

14. Воззвал к ним посланник Аллаха, когда
Побросали мы их вповалку в колодец:
15. "Ну что, убедились вы, что слово мое — истинно
и что веление Аллаха овладевает сердцами?"
16. Не ответили они, а если бы заговорили, сказали бы:
"Прав ты был и прозорлив!"»
[19, с. 454–455; 6, с. 102–104].

Стихотворение, включенное в данный прозапоэтический отрывок, принадлежит Абу-л-Валиду Хассану ибн Сабиту (ум. 674), известному поэту из племени хазрадж, принявшему ислам вскоре после переселения (*хиджры*) Мухаммада из Мекки в Медину и прославившемуся в качестве панегириста Пророка ислама. Первые четыре стиха (*бейта*) являются традиционным зачином арабской касыды — так называемым *насибом*, начинающимся с воспоминаний о возлюбленной у следов покинутой стоянки. Пятый бейт представляет собой переход к основной теме произведения.

Поэтический текст, включенный в сюжетное повествование, сочинен в строгом соответствии с требованиями нормативной поэтики. В нем присутствуют в явном виде признаки классической арабской касыды: в соответствии с канонами произведение содержит зачин — воспоминание о возлюбленной у следов покинутой стоянки, конвенциональные мотивы, средства украшения поэтической речи (фигуры и тропы). Основная часть касыды содержит точные имена убитых в сражении и брошенных в колодец мекканцев; парафраз слов Мухаммада и другие реалии, крепко связывающие ее с сюжетным повествованием о битве при Бадре. Соблюдение правил сочинения касыды, строгая отделка фигуративных средств, упоминание точных документальных деталей свидетельствуют о том, что скорее всего она была сложена по истечении определенного времени после событий «дня Бадра».

Рассмотрим еще одно произведение Хассана ибн Сабита, на этот раз извлеченное из подборки стихов о битве при Бадре.

1. Твое сердце истомила во сне девственница, что поит
Лежащего с ней напитком прохладных смеющихся уст,
2. Подобным мускусу, смешанному с дождевой водой,
Или старому вину цвета крови жертвенного животного.

3. Поклажа ее бедер возвышается и громоздится слоями;
Дева беспечна и не скоро на клятвы.
4. Ее поясница гладка и подобна — когда [красавица] сидит
В одной рубашке — мрамору ступки для благовоний.
5. Ей не хочется даже встать с кровати,
Настолько изнежен ее прекрасный стан.
6. Днем я не перестаю вспоминать о ней,
А ночью я стремлюсь к ней в моих грёзах.
7. Я поклялся, что не забуду ее и не перестану ее вспоминать,
Пока мой прах не будет погребен в могилу.
8. О хулительница, ты неразумно упрекаешь меня,
Ведь я не подчиняюсь порицающему меня за любовь.
9. Она пришла ко мне на рассвете, когда я очнулся от легкого сна
И погрузился в круговорот событий дня.
10. Она утверждала, что человека всю жизнь огорчает,
Если стадо его не такое уж большое.
11. Если ты солгала в том, что сказала мне,
то спасайся подобно тому, как спасся Ибн Хишам.
12. Тот бросил друзей, не сразившись на их стороне,
и спасся благодаря уздечке и быстрой лошади.
13. В пустыне она оставляет позади рослых быстроногих коней,
Мчится, словно камень, падающий в колодезь.
14. Она не жалеет ног и скачет во весь опор,
Оставляя своих соперниц в наихудшем положении.
15. А дети его отца и его родичи участвовали в битве,
В которой Бог даровал победу мусульманам.
16. Испепелила их всех — ведь Аллах исполняет свои повеления —
Война в своем полыхающем огне.
17. Если бы не Бог и не галоп лошади, наши кони сделали бы
Его добычей диких зверей, затоптав копытами.
18. А кругом связанные пленные сокола, которые прежде,
Встретив в бою [вражеские] копыта, защищались,
19. И поверженные на землю, которые не ответят на призыв,
Даже если исчезнут высокие горные вершины.

20. [Ал-Харис ибн Хишам бежал] пристыженный и униженный,
Увидев, как белые мечи гонят достойных мужей.
21. Вложенные в руки благородных, с незапятнанной
Родословной, бесстрашных воинов,
22. Эти белые мечи, встретив железо, разрубают его,
Подобно тому, как молния пронзает темные тучи
[19, 522–523; 6, 218–219]⁷.

Как и предыдущее произведение Хассана ибн Сабита, данная касыда начинается с традиционного любовного зачина (*насиб*). В описании битвы при Бадре приводится два таких произведения, и оба они принадлежат мединскому поэту. В последней касыде любовный зачин разработан подробнее, содержит большее число конвенциональных мотивов, каждый из которых мог бы стать предметом особого рассмотрения, и в целом объемнее (11 бейтов, последний бейт — переходный от *насиба* к основной части), представляя по существу отдельное произведение любовной лирики. Не отвлекаясь на подробный анализ данного зачина (это увело бы в сторону от главной темы нашей работы), заметим лишь, что в нем содержится устойчивый набор элементов описания физических и моральных качеств красавицы, позднее вошедших в кодекс так называемой *узритской* (возвышенной) любви. Согласно кодексу, изнеженная и избалованная красавица может хулить и мучить влюбленного, обязанного, несмотря на изнуряющий его любовный недуг и на порицания в его адрес со стороны традиционных типажей арабской любовной лирики — клеветников и завистников, безропотно переносить все необоснованные обвинения и капризы любимой ради самых незначительных знаков внимания к нему с ее стороны и т. д.⁸

Основная часть касыды (б. 12–22), посвященная событиям битвы при Бадре, содержит как устойчивую топику и конвенциональные средства фигуративной речи, так и документальные детали. Центральное место в ней занимает упоминание эпизода спасения бегством с поля боя мекканца-язычника ал-Хариса ибн Хишама ибн ал-Мугиры (ум. 639), брата Абу

7 ...Мчится, словно камень, падающий в колодец... — смысл сравнения, согласно средневековому комментарию: камень на веревке кладется в ведро, чтобы ускорить его падение в колодец.

8 Подробнее об узритской любовной лирике и «кодексе возвышенной любви» см.: [11, с. 79–84].

Джахла, которого обвиняли в том, что он струсил и бежал с поля боя в Бадре. Хассан ибн Сабит говорит о спасении ал-Хариса бегством, «благодаря уздечке и быстрой лошади» (б. 12), что является действительным фактом. Далее он приводит в двух бейтах (б. 13–14) описание идеальной лошади воина по канонам жанра *васф*: «она оставляет позади рослых быстроногих коней» и т. д. Затем поэт противопоставляет ал-Хариса его братьям и родичам, не струсившим и принявшим участие в битве (б. 15), что также является документальным фактом. Вся основная часть наполнена поэтизмами, метафорами и фигурами речи: «Мчится, словно камень, падающий в колодец», «Эти белые мечи, встретив железо, разрубают его, // Подобно тому, как молния пронзает темные тучи», «полыхающий огонь войны», «добыча диких зверей», «высокие горные вершины», «белые мечи», «достойные мужи», «незапятнанная родословная», «бесстрашные воины» (б. 16–22) и т. п.

Включение развернутого традиционного любовного зачина — атрибута «парадной» (определение Р. Блашера) арабской касыды — свидетельствует о том, что Хассан ибн Сабит стремится к созданию образцового, по критериям того времени, произведения для прославления победы мусульман и одновременно заявляет о своих претензиях на занятие видного места в ряду арабских поэтов. В представлении автора касыды, составителей Сиры и ее читателей литературные аспекты произведения, думается, имели в данном случае не меньшее значение, чем историографические, а, скорее всего, сливались в нерасторжимом единстве. «Документальность» касыды Хассана ибн Сабита благоприятствовала ее органичному включению в рассказ о битве при Бадре, а следование автора высоким требованиям традиционалистской поэтики объективно создавало для Ибн Исхака и Ибн Хишама оптимальные условия для беллетризации сюжетного повествования «Жизнеописания Пророка».

Из всех произведений о битве при Бадре, как уже отмечалось, только две касыды Хассана ибн Сабита имеют любовные зачины. Однако это вовсе не означает, что среди прочих стихов не было других интересных образцов, пусть и без *насиба*, отмеченных высоким выполнением требований нормативной поэтики арабских поэтических жанров.

Следующее поэтическое произведение из подборки к повествованию о «дне Бадра» принадлежит поэту-язычнику из мекканского войска Абу Усаме Му'авийе ибн Зухайру ибн Кайсу.

1. Я видел, как люди быстро снялись с места
И устремились прочь со всех ног,
2. Как тела знатных воинов были брошены [на поле боя],
Будто лучшие из них — жертвоприношения идолу.
3. И наших сотоварищей настигла смерть,
И в день битвы при Бадре мы встретились с Судьбой.
4. Мы преградили им путь, но они накатились на нас
Многочисленной ордой, подобной морскому приливу.
5. Люди спрашивали: «Кто такой этот Ибн Кайс?»,
И я отвечал: «Это — Абу Усама, без похвалыбы.
6. Я — из бану Джушам, а если вы меня не признаете,
То я разъясню мою родословную и разберусь с вашей.
7. И если вы относитесь к курайшитской знати,
То я — из рода Му'авии ибн Бакра...
10. ...Когда меня призвали в первые ряды сражающихся,
Я бросился в атаку, и мое сердце не сжалось от страха.
11. И это в такой день, когда не обращаются ни к трусу,
Ни к неженке, ни к зятю...
13. И если бы не мое появление, то гиена
С черными полосками на ногах, кормящая своих щенят,
14. Разрывала бы лапами захоронения на поле Бадра,
И ее морда стала бы напоминать закопченный котел.
15. Клянусь моим Господом и обгагреными кровью камнями
Жертвенника рядом с местом, где бросают камешки,
16. Что вы еще увидите, каков я, когда мое тело сменит
Человечью кожу на тигровую шкуру.
17. Даже в чаще на горе Тардж нет такого льва, своенравного,
Сурового, берегущего львят,
18. Который столь бдительно охраняет свое логовище в Кулафе,
Что близ него никто не смеет рыскать.
19. В пески, где он, не ступают другие львы, ибо он
Бросится на всякого, кто издаст грозный рык.
20. [Нет такого льва, что] напал бы быстрее, чем я,
Когда я приближаюсь к нему с устрашающим ревом,

21. Со стрелами, подобными острым зубам,
Острия которых напоминают горящие уголья,
22. С круглым черным щитом из бычьей кожи,
Желтым могучим луком,
23. И мечом, сверкающим на солнце как водная гладь,
Который полировал целых полмесяца 'Умайр.
24. Я горделиво выступаю, препоясанный ремнями,
Поступью громадного льва, живущего в чаще...»
[19, с. 534–535; 6, с. 236–238]⁹.

Центральное место в данном произведении занимает тема самовосхваления (*фахр*), к которой Абу Усама переходит после краткого вступления, рисуя картину разгрома мекканского войска в битве при Бадре (б. 1–4).

Фахр с незапамятных времен является неотъемлемым компонентом системы традиционных жанров классической арабской поэзии. Мотивы самовосхваления могли входить в большие лиро-эпические произведения — «парадные» касыды, либо становились ядром самостоятельных произведений, на основании которых впоследствии и сформировался отдельный жанр *фахр*. Самовосхваления имели множество традиционных мотивов, среди которых ведущее место занимало прославление как племени автора *фахра*, так и воспевание поэтом своих собственных высоких достоинств: происхождения, воинской доблести, великодушия, щедрости и пр.

Самовосхваление поэт начинает с описания своего происхождения и говорит, к каким колену, роду и племени относятся его предки (б. 5–7). Далее он переходит к практически главному мотиву своего произведения — восхвалению своей храбрости (б. 10–11, 15–16), развертываемому в обширной метафорической картине, в которой находится место и для описания гиены, которой не пришлось поживиться из-за вмешательства поэта в сражение на поле Бадра (б. 13–14), и для воспевания воинских достоинств героя, превосходящего силой и могуществом грозного льва, безраздельно властвующего в местах своего обитания (б. 17–20). Завершающие строки

9 ...*бросают камешки* (джамарат)... — один из обрядов, совершаемых во время паломничества; Тардж — гора в Хиджазе, на которой в изобилии водились львы; Кулаф — название местности близ Медины.

процитированного отрывка посвящены изображению боевого облачения поэта (б. 21–24).

В произведении Абу Усамы сконцентрированы элементы традиционной топики фахра, средства фигуративной речи, поэтизмы: брошенные на поле боя «тела знатных воинов» сравниваются с «жертвоприношениями идо-лу» (б. 2); «многочисленная орда» врагов уподобляется «морскому приливу» (б. 4); морда гиены, разрывающей захоронения на поле брани, напоминает «закопченный котел» (б. 14); стрелы подобны «острым зубам», наконечники стрел «напоминают горящие уголья» (б. 21). Последнее сравнение отсылает к конвенциональному мотиву арабской дескриптивной поэзии: наконечники копий, острия мечей и стрел сверкают в клубах пыли во время сражения.

Перечисление традиционных художественных средств касыды Абу Усамы можно было бы продолжить. Являясь неотъемлемой частью сюжетного повествования Сиры, она отличается сочетанием точных документальных деталей, прочно связывающих его с историографической линией и реальной действительностью, с элементами, определенно устанавливающими его отношения с высокой литературой, что определяет главные особенности этого превосходного образца средневековой арабской поэзии самовосхваления (*фахра*).

***

Подводя предварительный итог рассмотрению сюжетных поэтических произведений в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама, хотелось бы коснуться еще одной темы, которая нами не затрагивалась ранее, но которая имеет отношение к обсуждаемому нами вопросу беллетризации Сиры. Эта тема, как мы увидим чуть ниже, собственно не имеет прямого отношения к беллетризации сюжетного повествования «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама, но тем не менее касается важных аспектов придания текстам изучаемого памятника литературного характера или во всяком случае приобщения значительной части текстов Сиры к определенной категории сочинений большой сферы филологической науки. Иначе говоря, сближение «Жизнеописания» с определенным классом филологических трудов объективно способствовало усилению литературных аспектов данного сочинения и косвенным образом содействовало беллетризации всего памятника.

Объясним, в чем собственно дело. По завершении цитирования рассмотренного выше произведения Хассана ибн Сабита «Твое сердце истомила во сне девственница...» Ибн Хишам, второй составитель Сиры, от себя добавляет в подборку стихов, посвященных Бадру, пьесу ал-Хариса ибн Хишама [19, с. 523]. Заметим в этой связи, что произведения Хассана ибн Сабита и ал-Хариса ибн Хишама не сопоставляются в сюжетном повествовании Сиры; сами поэты не вступают в личный контакт во время или после битвы при Бадре. Ответ ал-Хариса ибн Хишама, дающий основание предположить, что в действительности произошел или же вполне мог произойти обмен стихотворными произведениями между двумя поэтами, приводится в Сире вне наррации о битве.

Ответ добавляется в пару к произведению Хассана ибн Сабита по воле одного из составителей Сиры. И примеры таких внесюжетных поэтических прений в памятнике многочисленны. Составители Сиры, а в данном случае это был Ибн Хишам, приводя стихи, создают искусственную внесюжетную реальность. При этом не так уж и важно, что одно или оба произведения, согласно приводившемуся ранее замечанию Ибн Хишама о большинстве стихов подборки о Бадре, были, быть может, недостоверны. Сама эта искусственная реальность убедительна, поскольку соответствует духу времени, но строится и создается она не столько на историографическом, сколько на общекультурном, общефилологическом и даже литературном основании.

На Аравийском полуострове с доисламской эпохи существовала распостраненная практика «поэтических поединков», обмена сатирическими стихами, входившими в качестве составной части в жанр *хиджа'* (осмеяние). К «поэтическим поединкам» прибегали поэты, представлявшие противоборствующие племена, роды, кланы. До нашего времени дошли соответствующие поэтические труды, собранные средневековыми филологами. Стихи-«ответы», так называемые *нака'ид* (ед. ч. *нак'ид*, букв. 'противоположность') писались по определенным правилам: в «ответе» повторялись размер, рифма (значительная часть средневековых арабских поэтических произведений — моноримы), а зачастую и многие мотивы и отдельные так или иначе маркированные элементы произведения, на которое писался «ответ» (подробнее см.: [27, т. 2, р. 578]).

Теперь мы можем вернуться к рассмотрению двух произведений Хассана ибн Сабита и ал-Хариса ибн Хишама. Оба произведения написаны в

размере *камил*, однако их рифмы различаются, соответственно: *āmī* и *dī*; к тому же два произведения существенно разнятся и своими объемами: 22 и 3 бейта соответственно, топикой, элементами фигуративной речи. Таким образом, стихотворение ал-Хариса ибн Хишама — это простой «ответ»-реплика, точно охарактеризованный Ибн Исхаком: «Ал-Харис произнес эти стихи, оправдываясь за свое бегство в день битвы при Бадре» [19, с. 523; 6, с. 219].

Здесь имеет смысл вернуться к вступительному замечанию Ибн Исхака к подборке стихов о Бадре: «Ибн Исхак сказал: “К поэтическим произведениям, сложенным о дне битвы при Бадре, и поэтическим прениям о произошедшем тогда, которыми обменялись причастные к ней лица с обеих сторон, относятся стихи Хамзы ибн ‘Абд ал-Мутталиба (Ибн Хишам сказал: “Большинство людей сведущих в поэзии не признают [их подлинности], равно как и стихов, сочиненных в ответ на них (*накīда*)”» [19, с. 516; 6, с. 208].

Данное замечание важно по двум причинам. Во-первых, оно устанавливает, хотя и без детальной дифференциации, неоднородность компонентов подборки стихов о битве при Бадре, что, к сожалению, было упущено в английском и французском переводах. В этой связи скажем, что в подборку были включены: 1) произведения жанра *нака’ид*; 2) произведения, составлявшие ответы на стихи противников, но не относившиеся к *нака’ид*; 3) отдельные произведения о Бадре: восхваления победителей от мусульман-мединцев, с одной стороны, и оплакивания убитых курайшитов от многобожников-мекканцев — с другой; наконец, отдельно 4) произведения мекканских женщин, оплакивавших павших знатных курайшитов и призывавших к отмщению.

Во-вторых, устанавливается жанровая принадлежность произведения ал-Хариса ибн Хишама ибн ал-Мугиры, сочиненного в «ответ» на стихи Хамзы ибн ‘Абд ал-Мутталиба — *накида*. И действительно, оба произведения написаны одним размером *тавил*, на одну рифму *рī*, имеют сопоставимые объемы — соответственно 17 и 16 бейтов. В подборке рассказа о Бадре имеются и другие стихи *нака’ид*, иногда эксплицитно отнесенные Ибн Исхаком к данному жанру¹⁰.

¹⁰ Стихи ‘Али ибн Аби Талиба и «ответ» (*накīда*) на них ал-Хариса ибн Хишама ибн ал-Мугиры [19, с. 518–519; 6, с. 211–214]; стихи Дирара ибн ал-Хаттаба ибн Мирдаса и «от-

Итак, в подборке стихов о битве при Бадре имеются «ответы» — некий аналог *прений* в европейской литературе. К отличиям от последних можно отнести то, что арабские *нака'ид*, как уже отмечалось, генетически связаны с жанром *хиджа'* (осмеяние), и посвящены исключительно взаимному высмеиванию оппонентами друг друга и, соответственно, взаимному отстаиванию своих достоинств и достоинств своего племени или рода перед оппонентом. Не все приведенные «ответы» составлены по типу *нака'ид* с соблюдением определенных жанровых правил, часто это простые ответы-реплики оппоненту, но все они обязательно сатирические. Данное уточнение важно для уяснения главной особенности «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама: в тексте изучаемого памятника мы находим осмеяния и мекканцев, и мединцев; на равных основаниях в нем приводятся стихи-«ответы» как мусульман многобожникам, так и многобожников мусульманам. Нетерпимые к врагам ислама в сюжетном повествовании, составители Сиры проявляют некую беспристрастность и сохраняют нечто вроде нейтралитета при цитировании стихов в наррации и при составлении поэтических подборок о битвах.

Так, Ибн Хишам, цитируя стихи обеих сторон, устраняет разного рода резкости и грубости в стихах как многобожников, так и мусульман, придерживаясь позиции, заявленной им в начале труда, когда он говорил о принципах работы над текстом Ибн Исхака. Приведем примеры.

Вот как комментирует Ибн Хишам одно из произведений многобожника ал-Хариса ибн Хишама ибн ал-Мугиры: «Ибн Хишам сказал: “Мы заменили в последней касыде два слова, содержащиеся в передаче Ибн Исхака... поскольку поэт оскорбляет ими Пророка, да благословит его Аллах и приветствует”» [19, с. 517; 6, с. 211].

Ту же операцию Ибн Хишам производит и со стихами мусульманского поэта: «Ибн Хишам сказал: “Мы опустили из касыды Хассана [ибн Сабита] три бейта в конце, поскольку они содержат грубые выражения”» [19, с. 523; 6, с. 220].

Отмеченные примеры говорят об отсутствии явной религиозной ангажированности Ибн Хишама при цитировании стихов представителей

вет» на них Ка'ба ибн Малика [19, с. 519–521; 6, с. 214–216]; стихи 'Абдаллаха ибн аз-Зиб'ара ас-Сахми и «ответ» на них Хассана ибн Сабита [19, с. 521–522; 6, с. 216–218]. Отметим подобные примеры в подборке стихов о битве при Ухуде [19, с. 611–613, 613–616, 617–619, 619–621 и др.].

противоборствующих сторон, объясняемой приверженностью, условно говоря, научному этикету, то есть правилам составления филологических трудов¹¹. Да, он заменяет слова с оскорблениями Мухаммада, может даже в случае необходимости убрать отдельные строки целиком, но он также поступает и со стихами мусульманского поэта, когда его резкость в отношении язычников нарушает общепринятые установления.

***

Рассмотренные выше примеры сюжетных прозаических и поэтических компонентов в той или иной степени свидетельствуют о беллетризации повествования Сиры, т. е. о процессе, в результате которого историческое повествование по существу превращается в «историческую беллетристику». Реакция средневекового читателя и слушателя при ознакомлении с подобными текстами, думается, была предсказуема, и едва ли современный читатель воспринимает их иначе. Беллетристическое повествование рассчитано на эмоциональную реакцию, автор/составитель повествует о событиях, надеясь на предсказуемую реакцию. Симпатии читателей и слушателей Сиры, несомненно, должны были быть на стороне Пророка ислама и мусульман; их противники, многобожники, должны были осуждаться.

Вместе с тем знакомство с миром «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама требует от непредвзятого современного исследователя внесения существенных коррективов в несложную дихотомию: многобожник, язычник — следовательно, противник, враг; мусульманин, монотеист — следовательно, сторонник, союзник, друг с соответствующими морально-этическими оценками. И дело здесь не только в том, что портретные характеристики, мысли и действия многобожников, их предводителя Абу Суфийана и ряда других видных мекканцев не подаются Сире в заведомо отрицательном — или даже карикатурном — виде. Рассмотрение сюжетных стихов в главе о битве при Бадре как в сюжетном повествовании, так и собранных в подборке, в частности, стихов *нака'ид*, подготовило нас к существованию более сложных аспектов темы язычество — монотеизм и,

¹¹ Укажем и другие сходные примеры. Ибн Хишам опускает бейт из стихов Хассана ибн Сабита, «в котором содержатся грубые поношения» [19, с. 524; 6, с. 221]; опускает два бейта из стихотворения многобожника Умайи ибн Аби-с-Салта, «в которых автор поносит сподвижников посланника Аллаха» [19, с. 531; 6, с. 234].

соответственно, к более сложным поворотам в процессе превращения исторического повествования в «историческую беллетристику».

Здесь мы переходим к анализу сложного воздействия на содержательную сторону беллетризованных сюжетных ситуаций в Сире двух фундаментальных концептов доисламского и исламского общества Аравии — *мурувва* и *дин*, о которых речь пойдет чуть ниже, и влиянию этих концептов на характер беллетризации текста Сиры. Подробное рассмотрение этого вопроса полезно предварить анализом ряда текстов изучаемого нами памятника.

После победы мусульман в битве при Бадре в Медину доставили плененных многобожников. В рассказе об этом событии в Сире хотелось бы обратить внимание на один интересный эпизод: «Через некоторое время привели пленных. Савда бинт Зам'а, жена посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, была с семейством 'Афра', оплакивая с ними 'Авфа и Му'аввиза, сыновей 'Афра' <...> Савда рассказывала: "Клянусь Аллахом, я была у них, когда за нами пришли с криком: "Пленных ведут!". Их привели, а я поспешила домой, где находился посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. Смотрю, в углу стоит Абу Йазид Сухайл ибн 'Амр, и руки его веревкой притянуты к шее. Я, Аллах — свидетель, не сдержалась, когда увидела Абу Йазид в таком состоянии, и воскликнула: "Эй, Абу Йазид! Своими руками вы себя выдали. Что ж вы не умерли достойно?" Опомнилась я, лишь услышав из дома голос посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: "Ты что же, Савда, подбиваешь людей против Аллаха и посланника Его?" Я отвечала: "Посланник Аллаха! Клянусь Тем, Кто послал тебе истину, я не сдержалась, когда увидела Абу Йазид с руками, притянутыми к горлу. Поэтому я и сказала то, что сказала"» [19, с. 459; 6, с. 110–111]¹².

Эпизод с курайшиткой Савдой бинт Зам'а (ум. 674), женой Мухаммада, свидетельствует о сохранении если не приоритета, то во всяком случае высокого статуса доисламских ценностей, объективно противостоявших новым исламским ценностям, даже в кругу близких к Пророку ислама людей. В начале эпизода Савда оплакивает павших мусульман-мединцев; и

12 'Авф ибн ал-Харис ал-Ансари и Му'аввиз ибн ал-Харис ал-Ансари — родные братья (сыновья ал-Хариса и матери по имени 'Афра'), мусульмане, сподвижники из ансаров, пали в битве при Бадре (624).

это должно было бы, по логике вещей, вписываться в общий происламский контекст «Жизнеописания Пророка». Затем, в этом же эпизоде, она обрушивается с обвинениями в адрес плененного знатного курайшита, знаменитого оратора Абу Йазида Сухайла ибн 'Амра (ум. 639). Однако ее нападки на мекканца-многобожника в первый момент могут вызывать недоумение. Савда обвиняет Абу Йазида не за то, что он, язычник, посмел выступить против Пророка ислама и мусульман (такая реакция мусульманки и жены Мухаммада была бы вполне естественной, с точки зрения современного наблюдателя), а за то, что он не проявил самозабвенной самоотверженности и геройски не погиб в битве! Последнее вполне обоснованно можно было интерпретировать, что и сделал Мухаммад, как возмутительное подстрекательство: мусульманка, жена Мухаммада, призывает в доме Пророка ислама биться на смерть с мусульманами!

Савда обрушилась с обвинениями на плененного Абу Йазида вовсе не как мусульманка на язычника, а как соплеменница на своего соплеменника, запятнавшего честь племени непростительной трусостью в бою, резко осуждавшейся с незапамятных времен в доисламской Аравии.

Доисламские представления кодекса *мурувва*, комплекса качеств, которыми должен был обладать мужчина в доисламской Аравии и о которых подробно писал И. Гольдциер, противостоявшие в первые века ислама, идеалам *дин*, веры, не были отменены в исламское время. Их трансформация, адаптация к требованиям исламской общины, как было показано востоковедами, произошли совершенно естественно, но не в раннюю исламскую эпоху, а значительно позднее. Так, например, ислам, в частности, не отменил прежнего высокого представления о воинской доблести, но в новых условиях это представление связывалось с необходимостью подчинить воинскую доблесть интересам исламской общины и т. д.¹³

Раздвоение сознания Савды, отчетливо зарегистрированное в приведенном отрывке, объясняется тем, что старые доисламские представления еще не были полностью преодолены, а новые исламские еще полностью не восторжествовали и их противопоставление старым доисламским не было преодолено. Жители Аравии должны были выбирать либо то, либо другое. Таким образом, ключевым моментом в представленном эпизоде является

13 Подробнее о трансформации представлений доисламской муруввы в исламское время см.: [21, S. 149–150; 20, p. 23–24, 31–32, 190–193; 28, p. 325–327; 24, p. 449–475; 12, с. 13–16].

ся то, что жена Пророка ислама Савда своим поведением непроизвольно демонстрирует приверженность доисламским традициям, а не исламским добродетелям, что собственно и вызвало отповедь Мухаммада и, соответственно, необходимость объясняться и оправдываться перед мужем со стороны Савды. Идеалы доисламского времени, не знавшего конфессиональных предпочтений, даже в сознании Савды, жены Пророка ислама, отодвигают на второй план еще полностью не сформировавшиеся и не победившие в трансформированном виде к 624 г. идеалы и представления исламской общины.

Хорошую параллель к рассмотренному эпизоду представляет рассказ о гибели знатного курайшита Абу-л-Бахтари ал-'Аси ибн Хишама, который предпочел смерть возможности сохранить свою жизнь ценою предательства идеалов доисламской *муруввы*.

В Сире говорится, что перед битвой при Бадре Мухаммад запретил убивать Абу-л-Бахтари, поскольку последний «заслонял от нападков посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, когда тот еще находился в Мекке, никогда не вредил ему и не говорил про него ничего дурного». При встрече с Абу-л-Бахтари один из воинов мединского войска намеревался подчиниться воле Пророка ислама, отказавшись, впрочем, оставить в покое его спутника, на которого не распространялся запрет. Тогда в полном соответствии с требованиями доисламской *муруввы* Абу-л-Бахтари сказал: «Клянусь Аллахом, мы умрем вместе, он и я, чтобы не говорили обо мне женщины Мекки, что я бросил своего спутника, спасая свою жизнь». Свою позицию Абу-л-Бахтари подкрепляет стихами соответствующего содержания, подлинность авторства которых в данном случае не имеет большого значения. Главное в них то, что они хорошо передают драматизм противостояния соответствующих представлений блюстителей идеалов доисламской *муруввы* новым принципам исламской эпохи:

«Сын благородной спутника не выдаст!
Он либо умрет, либо уйдет вместе с другом»
(подробнее см.: [19, с. 446–447; 6, с. 89–90]).

Перечисленными причинами и объясняется странный на первый

взгляд эпизод если не антиисламского, то «аисламского» поведения жены Пророка ислама, обусловившими не только его своеобразие, но и своеобразие многих других эпизодов и сюжетных коллизий «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама. Реалистичность, документальная точность подобных зарисовок авторов «Жизнеописания Пророка», независимо от того, какими приемами изображения действительности они пользуются — тяготеющими к реалистичности деталей описания или же каноническими, традиционалистскими, конвенциональными — придает особый характер беллетризованному сюжетному повествованию Сиры.

Составители Сиры оставляют все подобные пассажи Сиры без комментариев, очевидно полагая, что современники Ибн Исхака должны были сами разбираться в сложном взаимодействии идеалов доисламской *муравы* и исламской веры. Ныне подобный объективизм, равная удаленность от двух противоборствующих сторон, готовность представить аргументы непримиримых врагов с позиции стороннего лица нуждаются в разъяснении, поскольку выглядят по меньшей мере странными. Во всяком случае они придают своеобразие беллетризованному повествованию Сиры, что и должно быть отмечено исследователем.

***

Как уже говорилось ранее, отмеченные тексты не являются чем-то исключительным в «Жизнеописании». Значительная их часть представлена поэтическими пьесами. Особенно их много в частях памятника, посвященных крупным битвам мусульман с многобожниками. Итак, вновь обратимся к поэтическим текстам.

Рассмотрим стихотворение, включенное в рассказ об одном из эпизодов формирования мекканского войска и его последующего выхода к Бадру. В рассказе говорится, что некоторые из курайшитских родов по тем или иным причинам отказались от участия в предстоящей битве. Интерес вызывают соответствующие места в описании битвы при Бадре, в которых говорится в этой связи о Талибе ибн Аби Талибе.

Прежде чем перейти к анализу поэтических текстов, связанных с Талибом, необходимо сказать несколько слов о его семье. Талиб был сыном предводителя рода хашимитов (*бану хашим*) Абу Талиба (ум. 619), приходившегося дядей Мухаммаду. Абу Талиб много делал для племянника до са-

мой своей смерти. Хотя Абу Талиб ислама так и не принял, но решительно взял под защиту Мухаммада, когда тот выступил с проповедью новой веры, и не выдал его курайшитам, подвергая себя и хашимитов большой опасности. В Сире на этот счет приводятся соответствующие поэтические строки Абу Талиба:

Вы солгали, клянемся Домом Аллаха, что мы предадим
 Мухаммада, ибо мы защитим его мечами и луками,
 Что выдадим его, не желая пасть убитыми вокруг него
 И опасаясь за судьбу наших детей и жен
 [19, с. 527; 6, с. 225–226].

Талиб ибн Аби Талиб, продолжая линию отца, ислама не принял, в то время как его брат 'Али ибн Аби Талиб (600–661) был одним из самых активных борцов за новую веру, женился на дочери их двоюродного брата Мухаммада и впоследствии стал четвертым «праведным» халифом (656–661).

Теперь процитируем непосредственно соответствующий отрывок из повествования о битве при Бадре в Сире: «У Талиба ибн Аби Талиба, собравшегося уходить вместе с людьми, возникла перепалка с некоторыми курайшитами, которые сказали: “Хоть вы, хашимиты, и выступили с нами, но, клянемся Аллахом, мы всегда знали, что душою вы с Мухаммадом”.

Талиб вместе с прочими вернулся в Мекку и сложил стихи:

Одна тревога у него, что, если Талиб
 Уйдет с дружным отрядом храбрецов
 На конях одного из этих табунов,
 То быть ему ограбленным, а не грабителем,
 И быть ему побежденным, а не победителем»
 [19, с. 438; 6, с. 77]¹⁴.

В рассказе о Бадре в Сире содержится еще одна поэтическая пьеса, приписываемая Талибу ибн Аби Талибу, но вынесенная в подборке с другими стихотворениями за пределы сюжетного повествования о битве. Про-

¹⁴ Стихи обращены к одному из курайшитов, участвовавших в перепалке с Талибом ибн Аби Талибом.

цитируем стихотворение, которое, согласно вводному замечанию Ибн Исхака, «Талиб ибн Аби Талиб сказал, восхваляя Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и оплакивая курайшитов, брошенных в колодец в день битвы при Бадре»:

1. «Глаза мои источили все потоки слез,
Оплакивая [бану] Ка'б, ибо больше не видят бану Ка'б.
  2. Это не бану Ка'б потерпели в войнах поражение,
Это Рок их погубил, ведь они совершили грех.
  3. И 'амириты плачут поутру,
О, знать бы, увижу ли своих близких из них?
  4. И те, и другие — мои братья, а не дети греха,
И покровительствуемого ими не обидят.
  5. Братья мои — 'Абд Шамс и Навфал, да буду я
За вас выкупом: не разжигайте меж нами войну!
  6. Не заводите — забыв об узах дружбы и приязни —
Разговоров с жалобами на превратности Судьбы...
  8. Если бы не защита Аллаха — только она и ничто другое —
Вы были бы неспособны оградить себя от опасности.
  9. Мы ни в чем не провинились перед курайшитами, мы лишь
Защитили лучшего из тех, чья нога ступала по земле;
  10. На кого можно положиться, когда случаются беды, о ком
Идет добрая слава, не скупого и не порочного;
  11. Его окружают просители, они осаждают двери его дома;
Они стремятся к морю, обильному и бесконечному.
  12. Клянусь Аллахом, моя душа пребудет в тоске и не успокоится,
Пока вы не нанесете мощный удар по хазраджитам»
- [19, с. 528–529; 6, с. 227–228]¹⁵.

Два процитированных стихотворения свидетельствуют о противо-

¹⁵ ...покровительствуемого ими не обидят... — выполнение требования кодекса доисламской чести защищать покровительствуемого (*джар* — букв. 'сосед') свидетельствовало о значительном статусе человека, оказывавшего покровительство; ...*стремятся к морю, обильному и бесконечному*... — конвенциональный мотив описания щедрости восхваляемого в средневековой арабской поэзии — сравнение с тучей, морем и любым водоемом: туча, море щедрости и т. п.

речивых чувствах, обуревавших Талиба в сложной ситуации, в которой он оказался в связи с походом мекканцев-язычников против мединцев-мусульман. Как представитель рода хашимитов, входившего в племя курайш, он чувствовал себя обязанным выступить вместе с другими курайшитами на защиту каравана от разграбления и в целом на защиту достоинства племени от поругания со стороны мединцев. Но, как хашимит, он должен был защищать и своего сородича хашимита Мухаммада, «лучшего из тех, чья нога ступала по земле», возглавлявшего мединское войско. При этом он осознавал, что ему предстоит встретиться в бою, отстаивая интересы рода, не только с дальними сородичами-хашимитами, но даже и с ближайшими родственниками — своим братом 'Али и двоюродным братом Мухаммадом. Безвыходность ситуации почувствовал не только он сам, но и курайшиты-многобожники, которые дали Талибу спасительный шанс не участвовать в битве, выразив ему недоверие как сородичу Мухаммада. Талиб даже позволил себе некую браваду в первом стихотворении, заявив, что курайшиты своими действиями лишь ослабили мекканское войско.

В течение короткого времени ситуация кардинально изменилась. Мекканское войско понесло сокрушительное поражение в битве при Бадре, многие знатные курайшиты погибли. Как сородич Мухаммада и 'Али, Талиб вправе был быть доволен победой хашимитов, а, как соплеменник курайшитов, он должен был оплакивать погибших мекканцев и поруганную честь племени. Представляя вторую пьесу Талиба, Ибн Исхак среди ее тем на первое место ставит восхваление «Посланника Аллаха», а на второе — оплакивание павших курайшитов. На самом деле пьеса начинается с оплакивания Талибом соплеменников курайшитов и рассуждений о превратностях злого Рока, приведших к губительным раздорам между братьями. Оплакивание и медитативные мотивы занимают главное место в произведении (8 бейтов из 12). Только после данного вступления Талиб обращается к восхвалению своего сородича Мухаммада... с оправдания (!) перед соплеменниками (б. 9): «Мы ни в чем не провинились перед курайшитами, мы лишь // Защитили лучшего из тех, чья нога ступала по земле». *Восхваление в оправдание* не содержит элементов превозношения Мухаммада как «Посланника Аллаха», провозгласившего новую веру и возглавившего борьбу с многобожниками, а отсылает к традиционному перечню добродетелей достойного мужа, зафиксированному доисламской *муруввой*. Надежная опора людей при постигающих их

бедах, человек без пороков и безгранично щедрый, как «море, обильное и бесконечное» — такого человека не могли не защищать его сородичи-хашимиты (3 бейта из 12). Наконец, в последнем, 12-м бейте содержится важный мотив, вовсе не случайно обойденный молчанием во введении Ибн Исхака, поскольку он окончательно запутывает картину, представленную автором «Жизнеописания Пророка». Талиб вновь обращается к курайшитам: «моя душа пребудет в тоске и не успокоится, // Пока вы не нанесете мощный удар по хазраджитам». Оплакав павших соплеменников, он призывает мекканцев к отмщению хазраджитам — одному из племен, воины которого входили в состав мединского войска в сражении при Бадре и поддерживали Мухаммада в борьбе за новую веру против курайшитов-многобожников. Тем самым Талиб ибн Аби Талиб не просто разъединяет Пророка ислама с его боевыми союзниками и противопоставляет его им, а, объективно говоря, фактически призывает солидаризироваться с врагами-многобожниками в борьбе с защитниками новой веры, утверждению и распространению которой Мухаммад и его соратники-сородичи посвятили свою жизнь.

Здесь мы находим явственную параллель с эпизодом, в котором говорилось о реакции Савды на прибытие пленных курайшитов в Медину. Жена Мухаммада, Талиб ибн Аби Талиб (двоюродный брат Мухаммада и брат выдающегося деятеля ислама 'Али), то есть лица из непосредственного окружения родных, близких и сподвижников основоположника нового вероучения, недвусмысленно (Савда менее определенно, а Талиб в явной форме) подстрекают в текстах, включенных в «Жизнеописание Пророка», к борьбе с Пророком ислама и его сторонниками.

* * *

Помимо сюжетных прозаических и поэтических отрывков, в которых зафиксировано раздвоение сознания людей, так или иначе находившихся в близком окружении Мухаммада в период событий, связанных с подготовкой к битве при Бадре и после нее, в «Жизнеописании» приводятся прозаические и поэтические элементы сюжетного повествования, напрямую связанные с лицами, входившими в это время в стан многобожников-мекканцев. Явным противникам Мухаммада не было необходимости скрывать свои антимусульманские взгляды. Вопрос состоит в том, как составители Сиры изображают в своем сочинении врагов-многобожников.

Составители Сиры не рисуют их облики в заведомо отрицательном ключе. Напомним в этой связи, что, как уже отмечалось, портреты и действия многобожников подаются в Сире живо, интересно, с деталями, характеризующими их индивидуальные черты. В действиях видных представителей многобожников акцент ставится на тех чертах, которые позволяют читателю подходить к ним дифференцированно и давать каждому из них ту или иную оценку. Глава курайшитов Абу Суфийан, 'Утба ибн Раби'а и ряд других видных мекканцев перед битвой при Бадре представлены как умные и прозорливые противники мусульман. Напротив, Абу Джахл, Абу Лахаб и ряд других многобожников представлены как люди способные совершать необдуманные действия, которые, собственно, и привели курайшитское войско к катастрофе в битве при Бадре.

Дополним наши наблюдения более акцентированным анализом того, как составители Сиры, происламская тенденциозность которых не вызывает сомнения, представляли в сюжетном повествовании противников Мухаммада. Опять-таки, несколько забегаая вперед, заметим, что, если ранее мы отмечали раздвоение сознания у лиц, входивших в близкое окружение Мухаммада, то здесь нам придется говорить о некоей непредвзятости составителей Сиры в подборе стихов мусульман и язычников и попытаться объяснить такой их объективизм.

Скорее всего речь должна идти о комплексе причин. Быть может, непредвзятость и объективизм объясняются не до конца преодоленным старым пониманием *муруввы*, доминировавшим над требованиями веры (*дин*) или стоявшим с ней на одном уровне. В таком случае воспевание добродетелей знатного мужа, проявившего воинскую доблесть в сражении, или же его оплакивание в случае гибели, должны были происходить, согласно укоренившимся на Аравийском полуострове представлениям, независимо от его принадлежности к многобожникам или к мусульманам. Восхвалялся или же оплакивался в таком случае не многобожник или мусульманин, а соплеменник, сородич или близкий родственник — отец, сын, брат и т. д. А, быть может, в ряде случаев непредвзятость и объективизм просто определяются приверженностью навыкам и представлениям составителей антологий, требовавших полноты включаемых в филологические труды доступных материалов независимо от конфессиональной принадлежности автора стихов. Не менее важную роль могло сыграть и

то обстоятельство, что многие из тех, кто участвовали в битве при Бадре и других сражениях на стороне многобожников, впоследствии приняли ислам и внесли заметный вклад в дело становления и укрепления ислама. Оценки действий таких многобожников до принятия ислама могли как бы корректироваться составителями Сиры с учетом позднейшей ретроспективной переоценки их жизненного пути¹⁶. Ибн Исхак и Ибн Хишам, как представляется, не могли не учитывать указанные обстоятельства, и с учетом их по отдельности или в совокупности строили свое повествование в «Жизнеописании Пророка»¹⁷.

Наш анализ мы начнем с оценки прозаических и поэтических сегментов текста Сиры, в которых главным действующим лицом, либо лицом, о котором ведется основная речь, является один из самых непримиримых врагов ислама и пророка Мухаммада, чье имя 'Амр ибн Хишам, сопровождается в памятнике двумя противоположными по смыслу прозвищами (*куньями*). В текстах «Жизнеописания Пророка», которые возводятся к многобожникам, он именуется «Абу-л-Хакам», «Отец мудрости». Однако составители Сиры в пассажах своего сочинения, идущих в повествовании от

16 Укажем только один, но достаточно яркий пример — 'Икрима ибн Аби Джахл ал-Махзуми (ум. 634), сын Абу Джахла. В битве при Бадре он участвовал на стороне многобожников и пытался защитить отца; после взятия Мекки принял ислам, проявил героизм во многих походах мусульман, пал в битве при Йармуке. Считается, что о нем говорится в хадисе: «Не обижайте живых из-за мертвых». Выдающийся ученый ал-Мубаррад (ок. 815 — 898 или 899) говорил: «Люди старались не порочить Абу Джахла ради 'Икримы».

17 О живучести старинных представлений после прихода ислама наглядно говорят характерные в данном отношении наблюдения О.Г. Большакова касательно битвы при Бадре. В сражении участвовало 76 мухаджиров, мусульман, переселившихся «вслед за Мухаммадом в Медину до завоевания им Мекки» и составлявших «элиту мусульманской общины», и около 240 ансаров, жителей Йасриба (Медины) из племен авс и хазрадж, которые в 622 г. признали «его своим верховным вождем и вероучителем» (подробнее см.: [4, с. 177; 2, с. 36; 1, с. 21]). Анализируя списки погибших, ученый пришел к выводу, что в битве при Бадре, в которой «погибло 6 мухаджиров и 9 ансаров, а мекканцы потеряли... более полусотни убитыми», «ни один мекканец и мухаджир не пал от рук противника из своего рода — все искали встречи с чужими» (подробнее см.: [3, с. 101; 2, с. 36]). Данное наблюдение подтверждает мысль о том, что и для мекканцев-многобожников, и для *мухаджиров* отстаивание вероисповедальных вопросов определено сообразовывалось и — в случае необходимости — отступало перед требованиями доисламской *муруввы* по соблюдению древних племенных ценностей. Относительно *мухаджиров* такое наблюдение особенно поучительно, поскольку на словах «в заслугу им ставилось то, что ради веры они порвали узы родства и, оставив дома и имущество, последовали за вероучителем» [4, с. 177], а на практике, даже в ратном деле, им приходилось сознательно или бессознательно во многом исходить из установлений доисламского общества.

их имени, называют его не «Абу-л-Хакам», а так как его прозвали мусульмане и так как он и вошел в историю — «Абу Джахл», «Отец невежества».

В цитируемых выше прозаических отрывках от составителей Сиры Абу Джахл представлен как недальновидный предводитель, отвергавший все разумные доводы даже курайшитов-многобожников, т. е. своих сторонников. В Сире повествуется, что гибель Абу Джахла в битве при Бадре была воспринята Мухаммадом как справедливый акт возмездия «врагу Аллаха», санкционированный свыше (подробнее см.: [19, с. 451–452; 6, с. 95–98]).

Вместе с тем, наряду с подобными оценками, мы находим в Сире в сюжетных поэтических пьесах и иное восприятие личности 'Амра ибн Хишама. В начало большого рассказа, в котором повествуется о его гибели, составители Сиры ставят несколько поэтических строк, которые он произнес перед битвой:

«Не мне бояться мести войны кровожадной.

Клыки мои крепки, и сам я — в полной силе.

Для этого и родила меня моя мать!»

[19, с. 450; 6, с. 95].

Эти строки, которые, согласно средневековому комментатору, Абу Джахл позаимствовал у кого-то из поэтов, представляют собой элемент самовосхваления (*фахра*), традиционной «похвальбы» воина перед битвой. Составители Сиры не лишают Абу Джахла возможности заявить о наличии у него одной из добродетелей доисламской *мураввы* — воинской доблести; во всяком случае он не обвиняется, в придачу ко всем своим порокам, в трусости, что было бы простительно для Ибн Исхака и Ибн Хишама, пожелай они представить в самом неприглядном виде одного из предводителей многобожников.

Объективизм и непредвзятость составителей Сиры еще ощутимее проявляются в подборке стихов о битве при Бадре. Помимо пьес, в которых мединцы-мусульмане празднуют победу с соответствующими оценками гибели Абу Джахла, в ней приводятся значительные по объему пьесы, написанные во славу погибшего предводителя курайшитов.

Среди произведений жанра *риса* (оплакивание) в подборке стихотворений о битве при Бадре мы находим пьесу ал-Хариса ибн Хишама ибн ал-Мугиры ал-Махзуми, брата Абу Джахла. В день взятия Мекки (630 г.)

он принял ислам, но в битве при Бадре сражался еще на стороне многобожников и, как говорилось выше, не проявив отваги, бежал с поля боя и впоследствии был вынужден отвечать на колкие выпады в свой адрес как со стороны многобожников, так и мусульман. Итак, ал-Харис ибн Хишам оплакивает своего брата 'Амра ибн Хишама:

1. О, как скорбит моя душа после гибели 'Амра,
    Но разве муки скорби могут вернуть убитого?
2. Мне сказали, что 'Амр — первый среди всех,
    Кто лежит в колодце старом.
3. Но я издавна считал, что так оно и есть, и ты лишь
    Подтвердил правильность того, что давно известно.
4. Я благоденствовал, пока ты был жив,
    А теперь я словно щепка, брошенная в бурный поток.
5. Прежде, вечерней порой, когда его не было рядом,
    Я терял силы и погружался в тяжелые думы;
6. Ныне провожу все вечера в воспоминаниях об 'Амре,
    И от них гаснет мой взор

[19, с. 530; 6, с. 230].

В *оплакивании* Абу Джахла содержатся конвенциональные мотивы этого жанра, призванные выразить глубокую скорбь поэта по поводу невозполнимой утраты. Главный из них в данном стихотворении: 'Амр ибн Хишам — лучший из всех курайшитов, погибших в битве. Превозносятся достоинства погибшего, но при этом ничего не говорится ни о том, от руки кого он пал в битве, ни о необходимости возмездия.

Более определенно звучит помещенное в подборке *оплакивание* Абу-л-Хакама 'Амра ибн Хишама (Абу Джахла), сочиненное Дираром ибн ал-Хаттабом ал-Фихри, также позднее принявшего ислам, но в битве при Бадре сражавшегося на стороне многобожников:

1. Что случилось с глазами, которые проводят ночь без сна
    И следят за звездами во мраке ночи?
2. Как будто пылинки попали в них, но это не пылинки,
    А слезы, текущие непрерывным потоком.

3. Так сообщи же курайшитам, что лучший в их собрании
И самый благородный из смертных людей,
4. Стал в день Бадра заложником узкого колодца, а заложник —
Человек высоких помыслов, не подлый и не скупой.
5. Я поклялся больше не лить слез по погибшему
После смерти предводителя Абу-л-Хакама,
6. По погибшему скорбит род Лу'айй ибн Галиб;
Смерть пошла за ним в день Бадра и настигла.
7. Ты видишь обломки хаттийских копий, поразивших его коня,
Которые торчат из рваных ран в его груди.
8. Лев, который обитает в глубине Биши
У воды, текущей по руслу в лесной чаще,
9. Не храбрее его, когда встречаются копыя, и раздается
Клич: «Спешиться!» для смелых благородных мужей.
10. Так не скорби же, род ал-Мугиры, и будь стоек,
Тот же, кто скорбит о нем, не заслуживает порицания.
11. Так будьте же тверды, поистине смерть — это честь для вас,
О чем осталось жалеть в жизни после его гибели!
12. Я говорю: «Ветер благоприятствует вам, вы обретете
Могущество, нет сомнений в этом для здравого ума»
[19, с. 529; 6, с. 229–230]¹⁸.

Дирар ибн ал-Хаттаб в своем стихотворении использует традиционные мотивы *риса'*, т. е. восхваления умершего, и превозносит добродетели, воспевавшиеся с доисламских времен. Начинается данное славословие привычными словами: Абу-л-Хакам — лучший в собрании курайшитов и «самый благородный из смертных людей»; «человек высоких помыслов», благородный, щедрый предводитель и храбрый воин, силой и отвагой подобный льву и т. п. Как мы помним, практически теми же словами восхва-

18 ...род Лу'айй ибн Галиб... — в соответствии с представлениями знатоков арабских генеалогий, Лу'айй ибн Галиб называется в Сире Ибн Исхака — Ибн Хишама среди пращуров племени курайш; к нему возводят родословные как многобожников, так и мусульман, в том числе и родословную Мухаммада [19, с. 3]; ...хаттийских копий... — по названию гавани ал-Хатт в Бахрейне, где продавались такие копыя; Биша — место в Йемене; в его лесистой долине обитало большое количество львов; ...род ал-Мугиры... — ал-Мугира ибн 'Абдаллах ибн 'Умар ибн Махзум — дед Абу Джахла.

лял пророка Мухаммада Талиб ибн Аби Талиб: лучший «из тех, чья нога ступала по земле»; «на кого можно положиться, когда случаются беды, о ком идет добрая слава»; с акцентом на щедрости восхваляемого, которую можно сравнить с «обильным морем» и т. п. Отсутствует лишь воспевание воинской доблести, которое предполагало бы неуместное в том случае упоминание сражения с врагами, т. е. с соплеменниками Талиба ибн Аби Талиба — многобожниками-курайшитами. Однако оба произведения многобожников роднит явственно звучащая идея необходимости отмщения. Талиб ибн Аби Талиб призывает отомстить хазраджитам, входившим в мединское войско. Дирар ибн ал-Хаттаб не столь определен, но призывает в конце своего стихотворения быть стойкими и твердыми в испытаниях и верить в будущее, когда род ал-Мугиры обретет могущество.

Сознание Талиба ибн Аби Талиба и Дирара ибн ал-Хаттаба не приемлет никаких иных оснований для сражения, мести и т. п., кроме тех, что предусмотрены законами доисламского общества. Вероисповедальные мотивы борьбы за единобожие против язычества, вдохновлявшие мусульман во главе с пророком Мухаммадом и отодвигавшие на второй план родо-племенные приоритеты доисламской *муруввы*, не только не учитываются, но и вовсе игнорируются ими как не существующие.

Стихи промекканской направленности явно контрастируют с обрамляющими их прозаическими пассажами, которые имеют, несомненно, промединскую, происламскую направленность, а нередко и прямо осуждают многобожников, в том числе и их главу — Абу Суфйана ибн Харба.

И прозаические тексты, составленные с широким привлечением реалистических деталей, и поэтические тексты, написанные в соответствии с требованиями нормативной поэтики и заполненные этикетными конвенциональными клише, практически в равной степени передают в сюжетном повествовании Сиры сложное противостояние / сосуществование идеалов доисламской *муруввы* и требований исламского единобожия *дин* в раннюю исламскую эпоху. Позднее это противостояние / сосуществование закончилось, как известно, трансформацией древних представлений и их включением в качестве составной части в новую мусульманскую этику. Однако в раннеисламскую эпоху сложное сочетание *муруввы* и *дин* во многом обусловливало действия участников событий, коренным образом изменивших жизнь Аравийского полуострова. Так или иначе, но историографические

(т. е. экстралитературные) факторы находили своеобразное преломление в беллетризованных текстах сюжетного повествования «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама.

Приведенные в статье факты дают основание рассматривать «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как произведение, значительное число элементов которого обладает чертами *беллетристичности*, свойственной памятникам художественной литературы.

Список литературы

- 1 *Большаков О.Г.* Ал-Ансар // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 21.
- 2 *Большаков О.Г.* Бадр // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 36.
- 3 *Большаков О.Г.* История Халифата: в 4 т. Изд. 2-е. М.: Восточная литература, 2000. Т. 1: Ислам в Аравии (570–633 гг.). 312 с.
- 4 *Большаков О.Г.* Мухаджир // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 177.
- 5 *Гибб Х.А.Р.* Мусульманская историография / пер. П.А. Грязневича // *Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М.: Восточная литература, 1960. С. 117–155. (в оригинале: Gibb H.A.R. Islamic historiography, *Et, Suppl.*, Leiden-L., 1938. P. 233–245).
- 6 *Ибн Исхак — Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре / предисл. А.Б. Куделина, пер. с араб. и комм. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова, подгот. араб. текста и комм. М.С. Налич. М.: Ин-т Европы РАН, 2009. 245, 118 с.
- 7 *Крачковский И.Ю.* Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1960. Т. 3. С. 189–222.
- 8 *Крымский А.Е.* История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциера А. Крымского. Изд. 2-е, значительно измен. и доп. М.: Тип. В. Гатцук, 1904. Ч. I–II. 391 с.
- 9 *Крымский А.Е.* Источники для истории Мохаммеда и литература о нем // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М.: Тип. В. Гатцук, 1902. Вып. XIII. С. 90–144.
- 10 *Куделин А.Б.* «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама: между историографией и литературой // *Studia Litterarum.* 2016. Т. 1, № 1–2. С. 91–107. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-91-107.
- 11 *Куделин А.Б.* Классическая арабо-испанская поэзия эпохи расцвета (конец X — середина XII в.). М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 191 с.

- 12 Куделин А.Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII–XI век). М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 262 с.
- 13 Куделин А.Б. Формы прозаической речи в «Сире» Ибн Исхака — Ибн Хишама // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 4. С. 44–63. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-44-63.
- 14 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 492 с.
- 15 Мурад М.А. Сират Расул Аллах (Жизнеописание Посланника Аллаха). Каир, 2001. 213 с. (На арабском)
- 16 Творогов О.В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 108–141.
- 17 Фильштинский И.М. История арабской литературы. V — начало X века. М.: Наука, 1985. 528 с.
- 18 Янин В.Л. Предисловие // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 1990. Кн. I, вып. 1–3. 1069 с.
- 19 *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hirschām*. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1858–1860. Bd. I–II. 1026+286 S.
- 20 Farès B. L'Honneur chez les Arabes avant l'Islam. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1932. 226 p.
- 21 Goldziher J. Alte und neue Poesie im Urtheile der arabischen Kritiker // *Goldziher J.* Abhandlungen zur arabischen Philologie. I. Leiden: Buchhandlung und Druckerei vormals E.J. Brill, 1896. S. 122–174.
- 22 Kister M.J. The *Sirah* literature // *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the end of the Umayyad period*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 352–367.
- 23 La vie du Prophète Mahomet. Colloque de Strasbourg (octobre 1980). Paris: Presses universitaires de France, 1983. 182 p.
- 24 Lecomte G. Ibn Qutayba: l'homme, son œuvre, ses idées. Damas: Institut français de Damas, 1965. XLVI+527 p.
- 25 Monroe J.T. The poetry of the *Sirah* literature // *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the end of the Umayyad period*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 368–373.
- 26 Schoeler G. Charakter und Authentie der muslimischen Überlieferung über das Leben Mohammeds. Berlin: De Gruyter, 1996. XI+214 S.
- 27 Van Gelder G.J.H. Naqā'id // *Encyclopedia of Arabic Literature: in 2 vols*. London & New York: Routledge, 1998. V. 2. P. 578.
- 28 Walzer R., Gibb H.A.R. Akhlāk // *The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²)*. Leiden and London: Brill, 1960–2004. V. I. P. 325–327.

References

- 1 Bol'shakov O.G. Al-Ansar [Al-Ansar]. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1991, p. 21. (In Russ.)
- 2 Bol'shakov O.G. Badr [Badr]. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1991, p. 36. (In Russ.)
- 3 Bol'shakov O.G. *Istoriia Khalifata: v 4 t.* [A History of the Caliphate: in 4 vols.] 2nd ed. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2000. Vol 1: Islam v Aravii (570–633 gg.) [Islam in Arabia (years 570–633)]. 312 p. (In Russ.)
- 4 Bol'shakov O.G. Mukhadzhir [Al-Muhadjir]. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1991, p. 177. (In Russ.)
- 5 Gibb H.A.R. Musul'manskaia istoriografiia [Islamic historiography], trans. by P.A. Giaznevicha. *Gibb Kh.A.R. Arabskaia literatura. Klassicheskii period* [Arabic literature]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 1960, pp. 117–155. (In Russ.)
- 6 *Ibn Iskhak – Ibn Khisham. Zhizneopisanie Proroka. Velikaia bitva pri Badre* [The Life of the Prophet. The Great Battle of Badr], foreword by A.B. Kudelin, trans. from the Arabic and notes by A.B. Kudelin, D.V. Frolov. Arabic text is prepared and comment. by M.S. Nalich. Moscow, In-t Evropy RAN Publ., 2009. 245, 118 p. (In Russ.; In Arabic)
- 7 Krachkovskiy I.Iu. Takha Khusein o doislamskoi poezii arabov i ego kritiki [Taha Husein on the pre-Islamic Arabic poetry and his critics]. *Krachkovskii I.Iu. Izbrannye sochineniia: v 6 t.* [Selected works: in 6 vols.] Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, vol. 3, pp. 189–222. (In Russ.)
- 8 Krymskiy A.E. *Istoriia musul'manstva. Samostoiatel'nye ocherki, obrabotki i dopolnennye perevody iz Dozi i Gol'dtsiera A. Krymskogo* [A History of Islam. Essays by the author and renditions from Dozy and Goldziher]. 2nd ed., corrected and extended. Moscow, Tip. V. Gattsuk Publ., 1904. Part I–II. 391 p. (In Russ.)
- 9 Krymskiy i A.E. Istochniki dlia istorii Mokhammeda i literatura o nem [Sources for the history of Muhammad and relevant references]. *Trudy po vostokovedeniiu, izdavaemye Lazarevskim institutom vostochnykh yazykov* [Works in Oriental Studies published by The Lazarev Institute of Oriental Languages]. Moscow, Tip. V. Gattsuk Publ., 1902, issue XIII, pp. 90–144. (In Russ.)
- 10 Kudelin A.B. "Zhizneopisanie Proroka" Ibn Iskhaka – Ibn Khishama: mezhdru istoriografiei i literaturoi ["The Life of Muhammad" By Ibn Ishāq – Ibn Hishām: between Historiography and Literature]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no 1–2, pp. 91–107. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-91-107. (In Russ.)
- 11 Kudelin A.B. *Klassicheskaiia arabo-ispanskaia poeziia epokhi rastsveta (konets X – sere-dina XII v.)* [Classical Hispano-Arabic Poetry: The late 10th century. – the mid-12th centuries]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1973. 191 p. (In Russ.)
- 12 Kudelin A.B. *Srednevekovaiia arabskaia poetika (vtoraia polovina VIII–XI vek)* [Medieval Arabic poetics: The second half of the 8th–11th centuries]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1983. 262 p. (In Russ.)

- 13 Kudelin A.B. Formy prozaicheskoi rechi v "Sire" Ibn Iskhaka — Ibn Khishama [The Forms of Prosaic Speech in *Al-sīra* by Ibn Ishāq — Ibn Hishām]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 4, pp. 44–63. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-44-63. (In Russ.)
- 14 Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [The Russian chronicles and their cultural significance]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. 492 p. (In Russ.)
- 15 Murad M.ʼA. *Sirat Rasul Allakh* (Zhizneopisanie Poslannika Allakha) [Sirat al-Rasūl]. Life of Allah's messenger Cairo, 2001. 213 p. (In Arabic)
- 16 Tvorogov O.V. Belletristicheskie elementy v perevodnom istoricheskom povestvovanii XI–XIII vv. [Belletristic elements in translated historical narrative of the 11th–13th centuries]. *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknovenie zhanrov suizhnetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature* [Origins of the Russian belles lettres. A Rise of genres of plot-structured narrative in Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 108–141. (In Russ.)
- 17 Filshtinsky I.M. *Istoriia arabskoi literatury. V — nachalo X veka* [A History of Arabic Literature. The 5th — early 10th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 528 p. (In Russ.)
- 18 Yanin V.L. Predislovie [Foreword]. *Kostomarov N.I. Russkaia istoriia v zhizneopisaniiaakh ee glavneishikh deiatelei* [The Russian history in the lives of its eminent people]. Moscow, Eksmo Publ., 1990. Book I, issue 1–3. 1069 p. (In Russ.)
- 19 *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām*. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1858–1860. Bd. I–II. 1026+286 S. (In German)
- 20 Farès B. *L'Honneur chez les Arabes avant l'Islam*. Paris, Adrien-Maisonneuve, 1932. 226 p. (In French)
- 21 Goldziher J. Alte und neue Poesie im Urtheile der arabischen Kritiker. *Goldziher J. Abhandlungen zur arabischen Philologie*. I. Leiden, Buchhandlung und Druckerei vormals E.J. Brill, 1896. S. 122–174. (In German)
- 22 Kister M.J. "The *Sīrah* literature". *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the end of the Umayyad period*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 352–367. (In English)
- 23 *La vie du Prophète Mahomet. Colloque de Strasbourg (octobre 1980)*. Paris, Presses universitaires de France, 1983. 182 p. (In French)
- 24 Lecomte G. *Ibn Qutayba: l'homme, son œuvre, ses idées*. Damas, Institut français de Damas, 1965. XLVI+527 p. (In French)
- 25 Monroe J.T. "The poetry of the *Sīrah* literature". *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the end of the Umayyad period*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 368–373. (In English)
- 26 Schoeler G. *Charakter und Authentie der muslimischen Überlieferung über das Leben Mohammeds*. Berlin: De Gruyter, 1996. XI+214 S. (In German)
- 27 Van Gelder G.J.H. "Naqā'id". *Encyclopedia of Arabic Literature*: in 2 vols. London & New York, Routledge, 1998. Vol. 2. P. 578. (In English)
- 28 Walzer R., Gibb H. A. R. Akhlāk. *The Encyclopaedia of Islam*. (2nd edn — EI²). Leiden and London, Brill, 1960–2004, vol. I, pp. 325–327. (In English)